

РУСАЛИИ

Праздники *Семик* и *Русалии* (*Русала, Русалы, Русалка, Русальница, Русальная неделя*) в русском народном календаре позднейших времён часто сливаются между собою и смешиваются с обрядами православной Троицы. Однако изначально они посвящались разным событиям. В древнерусскую эпоху череда весенних празднеств начиналась 1 мая (по Юлианскому календарю), с *Радоницы* и *Семика*, а завершалась девятидневными *Русалиями*, длившимися с 26 июня по 4 июля¹. Их апогеем являлись таинства *Купалы*, включавших в себя *Великдень* — пять добавочных суток к 360-дневному году². По древнейшим поверьям, в течение семи девятиин, которые впоследствии воспринимали как девять церковных седмиц (в действительности этот период составлял не 63, а 65 дней), на землю с небес возвращались души предков.

Следуя строгим календарным соответствиям *солнечного коло*, 10 июня, ровно через полгода после дня св. Спиридона-Солнцеворота и спустя сорок дней после *Радоницы*, в народе отмечали новый небесный «Поворот», начало долгого летнего солнцестояния. Приспосабливаясь к церковному календарю, это событие отнесли на 12 июня, день памяти св. Петра Афонского, которого называли Пётр-Поворот или Пётр-Солнцеворот. Замечали, что накануне купальских празднеств «солнце укорачивает свой ход», «поворачивает на зиму, а лето на жары». В более северных землях началом летнего солнцестояния считали 17 июня, когда «на святого Мануила солнце застаивается»³.

Ярое время

После обряда встречи *русал* участники таинства возвращались в село и начинали «мирской пир». Души предков словно незримые *гости* участвовали во всеобщем угощении и хороводах, слушали весёлые песни, наблюдали за играми молодых, за *плещаниями* (танцами) женщин, которые сменялись мужскими *ристаниями* – соревнованиями в силе и ловкости. В этот день красили яйца в жёлтый, солнцеподобный цвет и «облупливали» их с одного конца, видимо, в знак рождения солнца из мирового яйца в виде желтка. Кое-где на Руси удержалось простонародное название этого обычая – *Облупа*. Обновлённое, *ярое* солнце, дающего жизнь и энергию всему живому, после *креса* поднявшееся в свой годовой *притин*, называли *Ярило, Ярила, Яровит* (от прилагательного *яровитое*).

Ярь являлась олицетворением весны, возрождающей природу. По представлениям восточных славян, именно *русалы* призывали на землю *ярый* солнечный жар, открывали

¹ См.: Байдин Валерий. «Солнечное коло» восточных славян // Наука и жизнь. 1994, № 1, С. 34-42; см. то же: <http://via-midgard.info/news/article/nasledie/slav/1358-solnechnoe-kolo-vostochnyx-slavyan.html> и др.

На 55-м градусе с.ш. (широта Москвы) длительность светового дня в течение трёх недель, с 11 июня по 1 июля, меняется лишь на четверть часа, достигая 17-ти часов 20-21 июня, а выше 60-го градуса с.ш. (Заонежье и др.) солнце в эти дни почти не заходит за горизонт. Юлианский календарь отстаёт от астрономического на один день каждые 128 лет, и ко времени принятия христианства на Руси летний солнцеворот опережал церковный календарный счёт почти на 8 дней, период летнего солнцестояния заканчивался в конце июня. По свидетельствам этнографов, «древнерусский люд /.../ день апостолов Петра и Павла считал праздником солнца», (Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М.: Художественная литература, 1990, С. 141), после 29-го июня оно шло на убыль: «Пётр и Павел день убавил» – гласила народная поговорка.

² См.: Байдин Валерий. Краса всесветлая // Культура и время, 2013, №1, С.167-177.

³ Калинский И.П. Цит. соч., С.210.

долгожданную пору года, на которую приходится всплеск жизненных сил и плодородия. Сохранился народный обычай «приглашения русал», в каждый дом, который совершался на Преполовение Пятидесятницы. В этот день, получивший название «встреча русалий» или «русальная среда», церковь совершала торжественные водосвятия, но ещё раньше, на рассвете, старшая в доме женщина выходила на крыльцо и вылиwała кружку воды со словами: «Добро пожаловать, русалы, с плодородием!». В этом символическом действе окропления-возлияния воспроизводился образ дождя и небесной реки, подчёркивалась связь предков с благодатной влагой.

Встреча с *русалами* в дни летнего солнцестояния одновременно являлась и встречей древнего новолетия. Оно начинало очередной сорокадневный срок, некогда носивший название *яр*, *ярь*, *ярень*, *ярынь*, *жарынь*, *жары*. Этим словом в крестьянском календаре называли июль. На севере Руси лишь к концу июля наступала жаркая, *ярая* пора. *Ярью* наливалось всё живое. От праславянской основы **jarь* исходит смысловый ряд, который включает древнерусское *ярь* «весна», родственное индоевропейской праформе **iēr* «год, утро» и словам с тем же значением: древнегреческое *ώρα*, авестийское *yārə*, готское *jer*, немецкое *Jahr*. Другая смысловая цепочка объединяет древнегреческое *έρως* «любовь, влечение, страсть» и родственные древнерусские слова «ярить», «ярость», их производные «ярый», «яркий», а также *Ярило*, *ярка* «молодая овечка, козочка», *поярок* «ягнёнок», *ярчук* «щенок», *ярец* «бобрёнок», *ярина* в значении «яровой хлеб»⁴.

Обширные индоевропейские соответствия свидетельствуют о праславянской древности новолетия, завершавшего весну. Древнерусское *ярь* «весна» следует понимать, как «новорожденный год» и как начало «лета» – времени зачатия, рождения, плодovitости и урожая, откуда исходит двойное значение прилагательного *ярь* «весенний, летний». В старославянском языке слово *лѣто* близко по значению к понятиям «год», «годный», оно одного корня с *лѣтъ* «добро, возможность», родственно позднему диалектному *леть* «можно, дозволено», латинскому *laetus* «цветущий, изобильный, весёлый, благоприятный» и литовскому *lėtas* «тихий, спокойный».

Отмечаемый в народном календаре около 4 июля *Ярилин день*, по всей видимости, являлся персонификацией летнего Нового года и завершал многодневное северное солнцестояние, вбиравшее в себя *Великдень* и девятидневные *Русалии*⁵. Близи по значению и звучанию слова *яр* «огонь, пыл, разгар», *ярый* «рьяный, горячий, похотливый» и *жар* «страстный порыв, горячность», к ним можно добавить и старинное *жары* «пора летнего зноя, июль с первой половиной августа». Праславянская основа **jarь*- может быть сблизена с греческим *ζωρός* «огненный, сильный»⁶. С *Ярилой* и *Ярью* было связано проявление любовной страсти, а крик «яроости» становился воинским кличем, перешедшим в позднейшее «ура!». Словами *ярь*, *ярина* называли сок, растительную силу земли и непременно переносили её на грибы, в которых видели образ мужской плоти. В народе говорили: «земля не ярится и ярь (гриб) не родится»⁷.

В средние века *Ярилой* наряжали на праздник молодого статного парня. Одно из величальных имён *Сварога* и олицетворение *ярого* солнца, стало прозвищем ряженого. Но даже сугубо земное, обрядовое воплощение небесного божества было исполнено несомненной красоты. В *играх* и песенных величаниях *Ярилу* представляли ясноликим, босоногим всадником на белом коне, с цветочным венком на русых кудрях, колосьями

⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. М. 1989-1991. Т. I, С. 679.

⁵ В эпоху средневековья считали, что 24 июня, в день Рождества Иоанна Предтечи, сразу по завершении празднества *Купал*, наступает «лето, второе время года». *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов..., С. 137.

⁶ *Даль В.И.* Там же. Т. I, С. 526-527; Т. IV, С. 679-680.

⁷ Там же. Т. IV, С. 680.

ржи в одной руке и молотом в другой. *Ярила* будто летел над миром, не касаясь земли. Куда ступал его конь, копытами «разбивая камень», там стелилась молодая трава с лазоревыми цветами. Когда он ударял молотом – громы гремели и лили дожди, когда взмахивал колосьями – падали небесные росы и тучнели хлебные нивы.

В Белоруссии девицы водили хоровод по засеянному полю со словами:

*Волочился Ярила по всему свету,
Полям жито родил, людям детей плодил.
А где он ногою, там жито копою,
А куда он взглянет, там колос зацветает*⁸.

В России *Ярилой* наряжали «юношу в бумажном колпаке, украшенном бубенцами, лентами и цветами, с набелённым и нарумяненным лицом»⁹, его сажали на белого коня, иногда давали в руки колотушку и лукошко¹⁰. *Ярилу* воспринимали, как воплощение пылающего солнца и громовержца *Сварога* – носителя животворящей силы. Под её действием все на земле «приходило в яр», начинало цвести и плодоносить. Девицы в этот день выходили на гуляния «поневеститься», женщины грелись на солнце, словно насыщаясь его силой для будущих родов.

В поздних фольклорных описаниях упоминались неистовые «ярилины игрища», костры и хороводы, обильные пиры с пивом и брагой, шумные ярмарки. В некоторых местах совершали «похороны Ярилы», оплакивая идущее на убыль солнце. От давних времён сохранились слова *ярь*, «весна», *яркий* «сверкающий, светлый», *ярун* «животное в дни течки», *яровой* хлеб, *ярица* «пшеница», *ярка* «молодая овца» и пр., уцелели поговорки: «Ярило яровые ярит», «На Ярилу торг, на торгу – толк»...

Церковь постаралась приглушить почитание *Ярилы*, отделить его от праздника *Зáри* и приурочить отчасти ко дню Юрия Вешнего, Егория (св. Георгия) 23 апреля, отчасти к переходным празднествам Всехсвятской недели либо Петровок (дня свв. Петра и Павла), попеременно совпадающих с купальскими обрядами летнего солнцеворота, которые иногда также называли *ярильным днём*¹¹. Сближение этих имён и основ **jar-* и **jig-* объяснимо созвучием и смысловым тождеством. Слово *юр* у болгар, белорусов и в русских смоленских говорах также значило «ярость, вожделение»¹².

В обрядах и поверьях *Юрий*, как и *Ярила* выезжал на поля в белом одеянии, на белом коне и воплощал собою весну, называемую в древности *ярь*. В праславянском слове **jar-* существовала несомненная связь значений «весна» и «страсть, вожделение». Однако раздвоение этого праздника может иметь и другое объяснение: более позднее (на 4-6 недель) начало аграрного цикла на Северо-Востоке Европы, куда племена восточных славян переместились в V-VIII веках н.э. с Подунавья. В обрядах почитания *Юрия-Ярилы* первые запашки *ярового* поля в конце апреля сменились первыми зажинками *яровых* хлебов в начале августа, а прутья вербы в его руке – колосьями спелой ржи. В разгар весны *Юрий* «отмыкал ключи» Матери-сырой-земли, выпускал травы и росу «на пшеницу и всякую пашницу». В разгар лета *Ярила* оплодотворял весь живой мир и в дни летнего

⁸ *Славянская мифология*. М.: Эллис Лак, 1995, С. 398.

⁹ Там же.

¹⁰ *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. М.: Современник, 1982, С.112. Скорее всего, в этом празднестве произошло вторичное народное осмысление *Ярилы* в образе *Юрия*, Егория (святого Георгия), день церковной памяти которого более чем на два месяца предшествовал летнему солнцевороту.

¹¹ *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974, С. 213.

¹² Там же. С. 183.

солнцеворота рождал новое время, начинал Новый год. Этим объясняется древнее родство его праславянского имени **jarь* не только с древнегреческим *έρως* «любовь, влечение, страсть», но и с вышеупомянутым архаическим названием Нового года.

Русалы, русалки – духи предков

В сознании древнейших славян с солнцем и огнём соединялись и божественное первоначало мира – *Сварог*, и его земные потомки – *русы*, и души их предков *русалы*. Славяне глубоко чтили своих предков и покровителей, обитавших у истоков Небесной реки в незримом *ирии* и владевших небесными водами. Они «усыряли» землю, выступали покровителями людей, скота и посевов. Они посылали к своим потомкам вестников – *русал*, *русалок*. В этих словах со сдвоенной основой корень **рус-* отсылал к самоназванию древних *русов* и к имени их мифического прародителя *Руса*, а корень **сл-* имел значение «слать» и «слышать». Эти незримые ангелоподобные существа на Руси называли *берегинями*. Древние славяне полагали, что души умерших, освобождаясь от телесности, в клубах погребальных костров или по руслам рек достигали небесной *Роси*, уносившей их в невидимый с земли *ирий*, обитель вечного света, и там становились светоподобными.

По древним поверьям, через девять дней после *Окличек родителей* их души по руслам рек возвращались в *светорусье*, достигали родных краёв, выходили на берега, таились в *пáруслах* «старицах рек», лугах, полях, берёзовых рощах. В воде и воздухе прозрачные тела *русал*, *русалок* казались призрачными, в виде человекоподобных *сеней* «теней» они шествовали по маковкам цветов, хлебным колосьям, качались в ветвях¹³, радуясь вместе с живыми возрождению жизни, гуляли среди нив и селений. *Русалы* тайно посещали родовые святилища и погосты, появлялись в домах сородичей, наблюдая за их жизнью, летали над землёй вместе с птицами, принимали вид бабочек, которых в народе называли *душками*. Они обладали всеведением, неслышно изрекали из рек тайные речи. Зримым обликом *русал* считали капли сияющей на солнце росы. Увидеть их мог лишь тот, кто честен душой, чист телом и проявит *радушие* – радость душевную и верность. Недостойным требовалось *искупить* вину – принести выкуп в виде *виры*¹⁴. За лёгкую провинность полагалось *купание* – *искупление* или омовение от скверны в водах реки.

В пору летнего солнцестояния, казалось, на сияющих речных плёсах и у горизонта солнце соединялось с водою. В эти дни каждая земная река превращалась в реку света и тепла, омывала и освящала всех, входящих в её течение. А ночью отражала небо и сливалась со звёздной *Росью*. В празднестве *Русалий* соединялось почитание природы и рода, чествование предков, священной *росы*, рек, ручьев, родников. В русальных таинствах крепла родовая память и самовосприятие рождающегося народа. Имя мифического первопредка праславяне перенесли на своё самоназвание – *русы*, на *русскую* землю и многие родные реки. Почитание росы и рек сохранялось на протяжении тысячелетий. По рекам древние славяне отправляли в *ирий* прах покойников. В средние

¹³ Старинное прозвище русалок – *вилы* происходило не от глагола *вѣять* (ср.: *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка в 2-х томах. М. 1959, Т. I, С.83), а от имени *Велес* и означало спутниц и помощниц этого древнего воплощения медведя.

¹⁴ *Вира*, или *вѣра* – выкуп за провинность, известный по «Русской правде» – древнейшему славянскому своду законов XI века. *Грех* человека отделяли от *вины* и судили о нём особо. Древнерусское понятие *грѣх*, близкое к санскритскому *grhás* «дом» и *grhástha* «семейная жизнь», лишь в христианское время стали толковать шире, в древности им, по-видимому, обозначали лишь нарушение религиозных обрядов, родовых обычаев и правил домашней жизни. Нынешнему понятию «грех» соответствовали *вина* и *пѣня*: первое означало ошибку, или причину проступка и имело такое производное, как «война», второе связано с глаголом *пѣнѣти* «корить, упрекать, наказывать» и родственно словам *пинати* и *пнути* «давить, тянуть, плести»; его можно понять, как «нечто давящее», сравнимое с латинским *poena* «наказание, кара по закону, страдание».

века по ним пускали в последний путь обветшавшие книги и церковные образа, и, как гласят многочисленные сказания о чудесном обретении святынь, по рекам приплывали чудотворные иконы, кресты и некоторые святыне¹⁵.

Русальное действо

По всей видимости, именно к летним *Русалиям*, а не к зимним *Святкам*, восходят истоки древнерусской сценической традиции¹⁶. Суть этого действа заключалась в призывании духов предков, встрече с ними и их обращении к потомкам с «заветами». Быть может, это таинство начиналось с магических призывных звуков берестяного рожка или свирели. В словах, услышанных от обитателей загробного мира, содержатся истоки древнейших мистерий, религиозных предсказаний, пророчеств и проповедей. Нельзя согласиться с распространённой версией о происхождении театра из «охотничьих игр», завершавшихся реальной охотой, или из сцен с имитацией сельских работ, их предварявших¹⁷. Игровые обряды не имели того необъятного мистического смысла, который содержало общение людей с душами умерших. В античной Греции этот известный многим культурам древности архетипический сюжет со временем сменился общением смертных с бессмертными богами, а затем монологи богов развились в диалоги с античными героями. Однако в силу строгой приверженности древних славян к обрядам и культу предков празднество *Русалий* сохранило свой первоначальный смысл. Он заключался во встрече и общении людей с ангелоподобными вестниками иного мира – душами прародителей.

В древнерусском языке слово *срѣча* «встреча» находится в родстве со словом *рѣчь* и может быть понято как *со-речение* – взаимное приветствие при встрече. Так же образованы слова *с-видание*, *с-говор*, *с-ход*. Без сомнения, *русальное действо* являлось таинством встречи и *со-речения* (разговора) с духами предков-прародителей. В праславянских шаманских культах почитание духов соединялось с поклонением священной медведице, прародительнице людей, которую, предположительно, называли *коумá*. Весною священная медведица воскресала в берлоге и выводила из подземного мира ожившие души предков, также называемых *кумами*. Встреча с ними происходила на опушке леса. Со временем слово *коума* было отнесено к мифической праматери, покровительнице рода – *куме-матери*, которая на протяжении веков сохраняла медвежьи черты, наподобие древнегреческой Артемиды-Медведицы. После возникновения древнерусской веры, с ярко выраженным культом солнца и небесного света, духи прародителей потеряли связь с хтоническим миром. *кумов* стали именовать *русалами*.

Как же праздновались славянские *Русалии*? Непременными для этого подчеркнута зрелищного обряда являлись различные ряжения: молодой зеленью и цветами («Куст», «Русалка»), ношение венков, вождение Коня-*Русалы* (*Русала* представал в облике *Гостя*, небесного Всадника), а также обливание водой.¹⁸ В поверьях и обрядах выявлялось созвучие слов *русло*, *русалы*, *роса* и *русы*. В начале *русальной девятины* древняя община собиралась вместе, как и в самом начале череды весенних обрядов, накануне *Радоницы*. *Русалии* начинались с торжественной процессии: общего хода к родовому святилищу с молодыми берёзками-оберегами, возвышавшимися над головами подобно позднейшим церковным хоругвям. Мужчины несли пучки берёзовых веток – веников, а женщины и

¹⁵ Почитание святых, прибывших по реке, в том числе чудесным образом приплывших на камне, существовало у разных народов: св. Антоний Римлянин, св. Пафнутий из Египта, северорусский св. Варлаамий Важский.

¹⁶ Аналогом этих праславянских обрядов являлись древнегреческие *ρωςάλλια* и древнеримские *rosālia*, в христианскую эпоху ставшие празднествами весеннего цветения роз.

¹⁷ Ср.: Авдеев А.А. Происхождение театра. Л.-М.: Искусство, 1959, С. 39-83.

¹⁸ См., напр.: *Славянская мифология...*, С.345.

девушки покрывались берёзовыми венками. Сойдясь в круг, молитвенно *окликали* покойных, обращались к небесным «радателям» с *пригласиями*. Словно в ответ души предков являлись из священной берёзовой рощи.

Поляна, святилище, берег реки на время таинства превращались в пространство, где соприкасаются мир живых и мир духов, земная жизнь и небесная. У древних славян, как и в Античной Греции театр являлся не только «местом зрелища», но и самим зрелищем – «созерцанием богов» и их непостижимых действий. В слове *θέατρον* корень **θέα* «вид, зрелище, взгляд» почти тождествен словам *θεά* «богиня» и *θεός* «бог», что вряд ли случайно.

В архаическую эпоху встреча с духами-покровителями происходила на опушке леса, а позже «на святильной горке», окружённой родовыми могилами. Потусторонний облик *русал* страшно было не только увидеть, но и представить, и потому древние *лицедеи* закрывали свои лица *личинами* (масками) из бересты и кожи с прорезями для глаз и рта. Их тела скрывали долгополые облачения из беленой ткани, кисти рук таились в длинных, касавшихся земли рукавах (судя по слову *голень*, происшедшему от корня **гол-* «голый», обычное платье славян лишь немного прикрывало колени). Возможно, некогда эти рукава помогали *скоморохам* и *плясавицам* изображать священных медведей-*кумов*, ковьяльвших на четырёх лапах, живительные дожди, ветры, дым погребального костра и крылья лебедей, уносящих людские души к *црию*. Впоследствии вместе с пережитками веры в духов умерших этот архаичный образ, смысл которого был полностью забыт, унаследовали европейские привидения.

Женские поручи с изображением русальского действия. XII-XIII в. Серебро. Тверской клад 1906 г.

Русальные игрища. Средневековая миниатюра.

Женское платье с «долгими рукавами» для русальных «плецеваний». XX в. Реконструкция.

Русальные игры. Лубок. Сер. XIX в.

Русальные ристалища. Гравюра. XIX в.

Русалии. Хождение с конем-Русалой. Фото нач. XX в.

Скоморохи

Начинали и вели действо жрецы. Они медленно приближались к собравшимся, слушали всеобщие хвалы и молитвы, в ответ вещали людям наказания и прорицания от имени *кумов-русал*. Соединение тайного знания и искусства в его передаче людям сближали их с древнепрусскими *waidelotte* «вайделотами», жрецами-актёрами, название которых происходит от слова *waid* «знать, ведать». Главная роль в славянских русальных обрядах первоначально принадлежала женщинам-жрицам, древним *ведуньям*, *вещуньям*, которых называли *скоморохи*, *скомороши*. Это слово отразило тысячелетние изменения восточнославянских верований: от шаманского медвежьего культа эпохи матриархата до древнерусского предхристианства второй половины I тысячелетия н.э.¹⁹

Несмотря на многочисленные искажения, данные языка позволяют предположить в слове *скоморох* древнее выражение «с коума рожей» или «с коума ружью». Он являлся людям «с внешностью кума», – от древнерусских *коумъ* и *ружь* «наружность, внешность» или *рожа* «лицо, вид» (откуда позднейшие диалектные слова *рожай* «наружность человека» и *рожайист* «красивый, видный»)²⁰. Кроме того *ружьью* славяне называли звериную маску, отличая её от *личины*, изображавшей лицо человека. В празднество

¹⁹ У этого слова неясного происхождения существует более 20-ти разноречивых этимологических толкований. См.: Белкин А.А. Русские скоморохи. М.: Наука, 1975, С. 26-27.

²⁰ Преображенский А.Г. Цит. соч., Т. II, С. 210. Нет оснований, вопреки И.И.Срезневскому, видеть в этом слове заимствование из латинского или немецкого (см.: Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3-х тт. М.: Книга, 1989, Т. III, С. 379-380), как и производить слова *ружь* и *наружность* от греческого *ρουβός* (ср.: Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М.: Прогресс., 1964-1973, Т. III, С. 514).

масленичных *комоедиц* её изготавливали из медвежьей шкуры, во время таинства *Русал* (русалий) – из бересты, которая скрывала лики покойных предков. Через реконструируемые формы **скоумароша* и **скоумароха* (основанные на оглушении конечного звонкого *ж* и чередовании *ш/х*), прозвище жреца, представляющего умерших предков, со временем изменилось в *кумароша*, *кумарош*, затем в результате изменений дифтонга *-оу-* в слове *коумъ* и ассимиляции гласных превратилось в *коморош*, *коморох* (с чередующимися *ш/х*) и, наконец, получило приставку *со/с-* в *скоморох*, *скомрах* по типу: родичь – сородичь, тень – стена и пр.

В *Русалиях* можно видеть провоцирующую или имитативную «магию уподобления», характерную для религии древнейших славян. Первоначально жрица, а затем жрец «с внешностью кума» были одеты в медвежью шкуру и носили медвежью *рожу*, а их речь походила на рычание. Впоследствии *скураты*, от древнерусского *скóра* «шкура, кожа» или *хари*, от *ухарь* «ушастая маска»²¹, представлявшие звериный облик первобытного кума, сменились человекоподобными *личинами*. Возможно, к русальному действию «встречи с кумами» относилось ещё одно название древних личин – *чучело*, соотносимое с **чур-чело*, где *челó* «лоб, череп», родственное латинскому *calva* «череп», впоследствии стало означать «пугало» и было сведено к уменьшительному *чúча*. В христианскую эпоху *чучелами* могли также называть изображения обрядовых персонажей, уничтожаемые с окончанием древнерусских празднеств.

Кресение русалок, кумление с берёзкой...

Празднества подобные славянским *Русалиям*, по-видимому, восходили к эпохе существования древнеевропейской культуры. К ним можно отнести *ῥουσάλια* древних греков и *rosālia* римлян, которые со временем приобрели христианский характер, но не потеряли связи с древнейшими обрядами весеннего оживания природы и воскресения душ предков. Влияние христианства можно видеть и в славянском *русальном действе*. Его смысл в течение веков был забыт или искажён до противоположного. Сохранившийся в России до начала XX века троицко-семицкий обычай «кумления с берёзой» некогда означал «кумление с русалкой» – заключение родственного союза с *русалами*. А обряд *крещения (кресения) русалок* воспроизводил древнейшие поверья о явлении душ умерших предков каждой весной из *ирия*. Впоследствии «крещение русалок» смешалось с обрядом «крещения кукушки», который в некоторых местах называли «кумлением с кукушкой». В Тверской губернии на Семик пели:

*Кумушка, голубушка,
Серая кукушечка!
Давай с тобой, девица,
Давай покумимся!
Ты мне кумушка,
Я тебе голубушка!*²²

По многочисленным свидетельствам историков и этнографов, перед началом «кумления» девушки и молодые женщины вырывали подорожник со стрелчатым стеблем, будто усыпанным семенами, или кукушкины слёзки с густой метёлкой розово-лиловых цветов и «наряжали как куклу». Оба растения создавали образ изобилия, дарованного небом. Одетую «кукушку» несли с песней в ближнюю рощу, сплетали

²¹ Трубочёв О.Н.; см. в: Фасмер Макс. Цит. соч., Т. IV. С. 226.

²² Цит. по: Некрылова А.Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь. М.: Правда. 1989, С.478.

верхушки или ветки двух берёзок наподобие венка. В середину вешали нательный крестик одной из девушек и с песней вели хоровод:

*Я в луг пойду, я венок завью.
Покумимся, кума, не бранися, душа.*

Стволы берёзок обвивали венком, поясом или лентой. После этого девушки сходились попарно и пели:

*Вы, кумушки, вы, голубушки!
Кумитесь, любитесь!
Сойдитесь, подружитесь, поцелуйтесь!*

Затем целовали через венок крест и трижды целовались сами, дарили друг другу ожерелья и серьги, менялись жёлтыми яйцами – крашеными в цвет яркого солнца. По завершении всеобщего *кумления* подружки угощались лакомствами, принесенными в складчину.

Этот обряд можно истолковать, как символическое подтверждение «родства» с русалкой-берегиней, с обережной берёзкой и с кукушкой-кумой, каждую весну «воскресающей» после зимнего небытия и прилетающей из *ирия* с вестью о вос-*кресении* умерших и с заветом потомкам о сохранении родства. По народным представлениям, кукушка сопровождала *русал* при возвращении на землю во время весенне-летних празднеств. Она ведала судьбами живых и мёртвых. По её *ку-кованью* пытались понять, какие *ковы* напроорочит небесная вестница: кому «свадьбу ковать», кого хоронить, кому долго жить. Она могла *закуковать* «оковать, околдовать» человека и *расковать* его судьбу. На Русском Севере сохранилось диалектное прозвище кукушки – *жива*, восходящее к индоевропейскому **zivja* и, возможно, родственное индоевропейской праформе **deiwo* «диво, небо». В Смоленской области существовало поверье о «живущей на небе кам-птице», в которой следует признать всё ту же почитаемую «птицу-куму» – кукушку.

Берёзу древние славяне считали всеобщим оберегом. Из-за внешнего сходства этих белоствольных деревьев, листва которых к осени становилась золотистой, и белокожих, русоволосых единоплеменниц, впоследствии на Руси берёзу называли «девичья краса» и относили, главным образом, к девушкам и молодым женщинам. Стойкие народные представления уподобляли белотелых *русалок-берегинь* с зелёными волосами весенним берёзкам. Цепь символических соответствий включала в себя священную берёзу с ярко-зелёной (или золотой) листвой, ветвями и стволом – зеленоволосую *русалку* – белокожую *русую* девушку – весь род древних *русов*. Образ мифического небесного первопредка, белоликого и золотоволосого *Руса*, будто созданного из облаков и солнечного сияния, соединял всё воедино.

В конце *русальной недели*, в *клевальный день* происходили «проводы русалок» до будущей весны. На берегу реки для «русалок» строили из молодых берёзовых веток «домки» или «кущи», украшенные травами, цветами и венками. Внутри помещали соломенные изваяния «родителей» в мужской и женской одежде, ставили им хлеб-соль и пиво. Вокруг водили хороводы, пели хвалебные песни, веселились, устраивали всеобщий пир. Затем изготовленные из травы, цветов и веток изображения *русалок* «разоблачали» и с жалобными *кличами* (плачами), с просьбами о прощении и обетными словами опускали в реку. Кое-где «русалку» во время проводов заменяли деревцем берёзки, которое всем селом торжественно несли к реке. На берегу происходило прощание с таящими в ветвях деревца и незримо уходящими в воду *русалами*. После чего берёзку с песенным плачем опускали в воду:

*Да уж вы милые подруженьки мои,
Да зачем вы меня раздеваете?
Да чем же я вам разглянулася?
Да я кудрявая, нарядная была,
А теперь, берёзонька, да оголенная стою.
Вы, подруженьки, да отнесите меня,
Киньте-бросьте меня в речку быструю,
И поплачьте надо мной, над берёзонькой!*²³

У воды девушки и женщины снимали с себя венки, развивали и пускали следом. Некогда на берег приносили все берёзки, остававшиеся в домах, на дворах и сельских улицах в течение *русальной девятины*. По реке *русалы* уплывали на край земли, где она сходится с небом, а через девять дней достигали небесной Роси и заветного *ирия*. После прощания с *русалами* в летнюю жару, перед началом первых зажинов ржи наступала пора ожидания их нового благословения предков в виде обильных рос. День 13 июля приходился на церковное поминовение «предводителя небесных сил» св. Архангела Гавриила, но его канун 12 июля, следуя народному календарю, называли «Большие росы» или «Пролить росы», а ещё через девять дней, в «Марьины росы» (в день памяти св. Марии Магдалины 22 июля) крестьяне освящали росой холсты и шили из них одежду перед обрядами «новин»²⁴. Видимо, в давности этот день считался прощанием с *росами* и с *русалами* – душами предков, возвращавшихся в *ирий*.

В силу строгих церковных запретов, смысл этого обряда в средние века поменялся на противоположный: *русалок*, словно нечисть мётлами «прогоняли» из сёл, с полей и с берегов рек. Их нарочито пугающие, пучеглазые и зубастые изображения с криками разрывали на части и бросали в воду. Полагали, что лишь после такого «изгнания русалок» можно безопасно ходить по земле и купаться в реке. Незримые или прозрачно-водяные *русалы*, *русалки*, добрые *берегини* и покровительницы людей, превратились во вредоносных *мавок*, *вил*, *самовил*, *лоскотух* – в исчадия потустороннего мира. Следует признать, что подобные суеверия носили по преимуществу игровой характер. В конце концов, ведьмообразные, гоняющиеся за людьми *русалки* отдали своё имя весёлой детской игре «в салки».

Валёк с изображением русалки. XIX век. Поволжье, рельефная резьба

²³ Там же. С. 480.

²⁴ Сахаров И.П. Сказания русского народа. М.: Художественная литература, 1989, С.289. По-видимому, от названия «Марьины Росы» происходит название бывшего подмосковного села Марьино Роща.

Доски оконного наличника и шкафа с изображением русалок-берегинь.
XIX в. Резьба, дерево, масляная краска

Русальные «позорища»

В Средневековой Руси *русальные действия* претерпели необратимые изменения. Усилиями неистовых ревнителей «греческой веры» они были превращены в «позорище», развенчивающее древние обряды. *Русалии* были оторваны от старинных солнечных *сроков* и приурочены к переходящей «троицкой неделе». Жрецов-*скоморохов* сменили неведомые ранее *шуты* (от немецкого *Schaute*, диалектного *shote*), им были приписаны иноземные обычаи *глумов* «шутков» (от древнегерманского **gluima* «весёлость») и непристойные издевательства (от *издевать* «раздевать»). Слово *скоморох* стало означать «дурака на потеху», обрядовое *ряжение* превратилось в шумную забаву, сопровождаемую игрой музыкантов и всеобщими плясками, священные предсказания жриц-*ветий* – в суеверные

«гадания».

Крайности монашеской аскезы сталкивались с упорными, подчас нарочито грубыми формами сопротивления против насилия над естественными проявлениями жизни и воли к продолжению рода. И всё же Церковь и народ находили согласие в главном. На Руси в отличие от Западной Европы не происходило «карнавального переворачивания мира», о котором писал М.М.Бахтин, роль гротеска играло сказочное чудо, лубочная *быличка*, В Средние века русальное «смеховое действо» с его «скоморошьими потехами» выявляло отнюдь не «безбожие», веселье не превращалось в осмеяние веры. Смех, *смешение* низкого и высокого начал, вёл к самоосмеянию, к высмеиванию недостойных среди верующих и церковников. Неудивительно, что роль истинных средневековых смехотворцев, обличавших фарисейство, на Руси играли не шуты, а юродивые.

Преобразование *Русалий* в «отвратное» зрелище произошло отчасти потому, что все древнерусские праздники непременно сопровождало пиршество и обрядовое *веселье*, которое сопровождало молитвенное поминовение предков и небесного божества. Оставаться *весёлыми*, пребывать «в силах» — таков был завет *Сварога* почитающим его *сварожичам*, таким же был и наказ *русал* при расставании с потомками.

Письменные источники, упоминавшие русальные обряды, немногочисленны и представляют собою церковные обличения «поганого обычая». В них слова *скоморох* и *русалии* неразрывно связаны и выглядят как синонимы: «егда играют русалия ли скомороси /.../ ты же в той час пребуди дома»²⁵. Старинный Азбуковник объясняет «русальи» как «игры скоморошские»²⁶. В «Слове о русалиях», написанном в Ростове в 1220 году на основе греческого жития св. Нифонта, упоминаются встреченные на городской площади около церкви «русальцы» и флейтист, «скачущий с сопельми»: вслед за ним «идяше множество народа, послушающе его, инии же плясаху и пояху /.../ бесу лукавому, иже суть русалия /.../»²⁷. Людей призывали строго избегать бесовских «позорищ». В церковном «Прологе» (XV в.) обличались игрища ряженных, которые «бьяху в бубны, друзии же в сопели сопяху, инии же возложиша на лица скураты и деяху на глумленье человеком. И мнозии, оставивше церковь, на позор (зрелище) течаху и нарекоша игры те – русальи»²⁸.

Несмотря на многовековую борьбу с народным «бесчинием», в русском фольклоре, а ещё более в крестьянском искусстве сохранился влекущий образ *русалок*. Их изображения вырезали на причелинах изб и оконных наличниках, рисовали на домашней утвари, ласково называли *берегинями* и продолжали, как в глубокой древности, считать защитницами от различных зол. От древнейших русальных празднеств к началу XX столетия сохранились лишь едва различимые следы. Из поколения в поколение передавались старинные поверья о живущих в речных омутах вечно юных красавицах с зелёными волосами, которые в дни *Русалий* выходят из вод, чтобы напомнить потомкам об умерших предках.

2014 г.

²⁵ Срезневский И.И. Цит. соч., Т. III, С.197.

²⁶ Там же. С. .

²⁷ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. Древнерусские слова и поучения // Записки Московского археологического института. Т. XVIII. М., 1913. С. 78. С. 264-205.

²⁸ Православный собеседник, СПб., 1810, XI, с. 253; цит. по: Рыбаков Б.А. Язычество в Древней Руси, гл. 13, С.